

*ПРОДОЛЖАЯ «ДЕЛАТЬ ГЕНДЕР»:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ И
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ДИСЦИПЛИНЕ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ*

*Гендерные исследования
как опыт публичной социологии в России¹*

Ольга Здравомыслова

Гендерные исследования существуют в отечественной науке два десятилетия. Формальной датой их рождения можно считать апрель 1989 года, когда в очередном номере журнала *Коммунист* – главного идеологического органа СССР – появилась статья «Как мы решаем женский вопрос» Натальи Римашевской, Натальи Захаровой и Анастасии Посадской. «Мы исходим из того, что так называемое естественное разделение труда между мужчиной и женщиной имеет социальную природу», – заявляли авторы и ставили вопрос о новой научной дисциплине, содержанием которой явилось бы изучение социального неравенства, обусловленного полом. Хотя слово *гендер* в статье не упоминалось, в ней шла речь о *патриархатных* стереотипах, закрепляющих естественность, а, следовательно, неизбежность такого неравенства, и был обозначен современный подход к отношениям пола как социальным отношениям или, говоря иначе, гендерный подход.

«Женский вопрос» не только формулировался как социальный вызов, но из статьи вполне определённо вычитывался призыв к его публичному обсуж-

дению: адресатом послания исследователей было «большое» общество, а не только профессиональное сообщество. Это было, по сути дела, актом публичной социологии, хотя название жанра пришло к нам позже.

Между исследованиями и активизмом

Женщины-учёные, развивавшие новое направление социального знания – гендерные исследования, – одновременно чувствовали себя участницами демократических изменений.² Объектом их критики был советский гендерный порядок, получивший название «советский патриархат». В нём открывалось причудливое сочетание официальной идеологии равенства мужчин и женщин с неприятием ценностей эмансипации. Политика льгот, семейных пособий, развитая система общественного воспитания детей – и двойная занятость, точнее, двойной гнёт, который испытывали женщины, разрывавшиеся между работой и домом.

Одновременно изменения, происходившие тогда в России и на всём пространстве постсоциализма, осмысливались в гендерных исследованиях как «патриархатный ренессанс». В ответ на вытеснение женщин из экономики, политики и общественной жизни – в сферу частной жизни (с этим, собственно, и связывался «патриархатный ренессанс» в переходных обществах) стало формироваться независимое женское движение. Его участницы осваивали гендерную тематику, открывая в ней новое понимание женского опыта и гражданской позиции женщины. Надо подчеркнуть, что новый дискурс был заряжен критикой не только «советского патриархата», но и нарождавшегося постсоветского порядка. Он содержал в себе требование его изменения в направлении подлинно демократической практики, основанной на фактическом равенстве прав и возможностей мужчин и женщин. Подобная практика не реализована в полной мере нигде в мире, поэтому речь идёт здесь не о стремлении копировать «путь Запада», а о поддержке, усилении и развитии демократической тенденции в российском обществе.

Хотя в своей начальной стадии эти процессы, происходившие в России на двадцать лет позже, чем на Западе, обнаружили походные черты. Важнейшей из них была активистская роль интеллектуального ядра – учёных феминистской ориентации, разрабатывавших гендерную тематику. Развиваемый ими дискурс, консолидировавший независимое женское движение, неминуемо должен был вступить в конфликтные отношения с традиционализмом, который с советских времён определял государственный подход к решению «женского вопроса» и доминировал в общественном мнении. Оценивая сейчас этот опыт, политолог Светлана Айвазова делает вывод: «Провозглашение идеалов демократии и свободного рынка сопровождалось в тот момент распространением дискурса

«прав женщин» и гендерного равноправия (например, в среде независимого женского движения)».³

В начале 1990-х годов исследовательницы и активистки переживали своего рода эйфорию от того, что и государство, казалось, шло им навстречу. Доказательством этого было включение нормы, предусматривающей равенство возможностей мужчин и женщин в текст Конституции РФ (статья 19, часть 3 Конституции РФ). «Законодательный прорыв», совершённый при активном участии ученых и независимого женского движения, требовал подкрепления со стороны общественного мнения. Однако в обществе, никогда не жившем в условиях свободы и правовой защищённости, началось отторжение новых интерпретаций «проблем пола» и чуждого русскому языку понятия *гендер*. Характерно, что и убеждённые традиционалисты, и жаждавшая обновления либеральная общественность увидели в самой постановке вопроса о гендерном равноправии парафраз советской идеологии, яростно отвергаемой как теми, так и другими.

Анализируя историю взаимоотношений российских демократов, «российских феминисток» и независимого женского движения, исследователи приходят к выводу о невосприимчивости партий демократической ориентации к идее гендерного равенства именно в тот период, когда эти партии были наиболее успешны в российской политике. Они начинали проявлять некоторый интерес к гендерной проблематике лишь по мере того, как сами становились маргинальными. Демократы и реформаторы – как политики, так и интеллектуалы – не были готовы признать гендерное неравенство серьёзной проблемой российского общества, пронизывающей семью, образование, экономику, и, конечно, политику. В сущности, они были далеки от понимания, что ставить вопрос о достижении гендерного равенства – значит говорить языком современной демократии и обсуждать один из её ключевых вопросов.

И всё-таки 1990-ые годы в России неслучайно назвали «гендерным десятилетием», признавая значение начавшегося в тот период теоретического осмысления и, главное, – *публичного проговаривания* проблемы пола в культуре и общественной жизни. Конечно, в этом сыграл существенную роль внешний фактор – активность транснационального феминизма и международных фондов, поддерживавших гендерные исследования. Но, несомненно, главным оставался фактор внутренний – возможность гражданской и политической активности, появившаяся в постсоветском обществе на волне демократизации и вызвавшая потребность в диалоге между социальными учеными и обществом. Такой диалог, по определению американского социолога Майкла Буравого, составляет суть публичной социологии.

Исследовательницы, развивавшие гендерный дискурс, по выражению культуролога Галины Зверевой, «присваивая концепты», «участвовали в создании новой постсоветской реальности»,⁴ то есть одновременно развивали публичную

социологию в России. Женские организации, объединившиеся вокруг Первого и Второго независимых женских форумов, состоявшихся в 1991 и 1992 годах в Дубне, создали прецедент, пытаясь совместно с исследовательницами развернуть общественную дискуссию и продвигать результаты гендерных исследований в СМИ и политику. Образование в Государственной Думе после выборов 1993 года фракции «Женщины России» было несомненным успехом в этом направлении, но успех превратился в вызов, поскольку выявил идеологическую и политическую разнородность женского движения, усиливающийся раскол между движением и его интеллектуальным ядром и, наконец, противоречивость позиций внутри самого интеллектуального ядра. Как писала позже журналистка Надежда Ажгихина, «разница между элитарными московскими и петербургскими группами, объединяющими высокообразованных женщин, в основном исследовательниц, знающих языки, получающих гранты и путешествующих по миру, и женскими группами в регионах России, создававшимися прежде всего как группы самопомощи, была слишком очевидной».⁵

В то же время, в самом интеллектуальном ядре параллельно утвердились две противоположные теоретические и идейные позиции: активистски ориентированная и исследовательская. Они исходили из разного понимания природы, исторической глубины и перспектив «русского феминизма». Одни, как, например, та же Н. Ажгихина, доказывали, что женское движение и сам «русский феминизм» как его часть имеют давние традиции, глубоко своеобразны и имеют серьёзный потенциал. Другие, напротив, обосновывали вывод о неподготовленности в российском дискурсе почвы для отечественного феминизма (Е. Здравомыслова и А. Тёмкина) и видели главную задачу освоения гендерной проблематики в России в умении «сохранять уважительную дистанцию по отношению к чужому» (Г. Зверева).

Если первые доказывали, что «Запад <...> уже не кажется русским феминисткам единственно верной моделью», поэтому надо иметь смелость опереться на отечественный опыт, то другие акцентировали чужеродность феминизма как фундаментального препятствия для развития гендерных исследований и практик женского активизма в России. Обе позиции родились из критического осмысления опыта «гендерного десятилетия», и, по сути дела, представители той и другой групп в равной степени столкнулись с препятствиями развитию гендерных исследований в духе публичной социологии – что более всего отвечало бы их задачам в постсоветской России.

Новый этап

В первом десятилетии 2000-х идеологическим и политическим приоритетом стала не демократизация, а стабильность и укрепление «властной

вертикали». Составляющая новой концепции – стремление ограничивать и контролировать гражданскую и политическую активность женщин, и пространство общественной дискуссии, отведённое для обсуждения связанной с этим проблематики. Теперь в ней доминируют темы демографических угроз и укрепления традиционной семьи, а терминология «равных возможностей», фактически, поглощена привычным советским определением «проблемы семьи, материнства и детства».

При всей безусловной важности вопросов демографии и семьи, было бы крайним упрощением считать, что ими можно заменить содержание гендерных исследований как «менее важное» или просто «надуманное» – это всё чаще приходится слышать. И было бы непростительной ошибкой не понимать, насколько важны гендерная составляющая и гендерный анализ таких болезненных социальных проблем, как падение рождаемости, низкая продолжительность жизни, будущее семьи и семейных ценностей, рост насилия в обществе, физическое и нравственное здоровье поколений. Результаты гендерных исследований должны быть известны и осмыслены как теми, кто принимает политические решения, так и общественным мнением.

Между тем, российское общественное мнение представляет сейчас крайне аморфное соединение традиционных и модернистских воззрений. В среде молодых людей разнонаправленность этих векторов стала очевиднее, а проблема их соотношения – сложнее. С одной стороны, не только исследования, но и популярные молодёжные журналы и интернет-форумы доказывают, что российское поколение эпохи консьюмеризма и гламура в отличие от предшественников воспринимает гендерную тематику как более привычную и проявляет интерес к информации, которая в ней содержится. С другой стороны, нынешние молодые люди разделяют традиционные представления гораздо более уверенно, чем их предшественники, ещё не забывшие язык позднего советского эгалитаризма. В этом своеобразно выражается физиономия современной эпохи, сочетающей ценности крайнего индивидуализма, агрессивное стремление к личному успеху и неоконсервативную идеологию, завоевывающую публичную сферу, в которой ценности гендерного равноправия вытесняются на дальнюю периферию. Вместе с тем ориентация молодых мужчин и женщин на экономическую независимость, карьеру и успех становится всё более массовой. Это усиливает противоречивость гендерных представлений, делая их всё менее способными смягчать переживаемые современными людьми конфликты между убеждениями, культурными нормами, стереотипами мужественности и женственности – и индивидуальным опытом.

Можно считать знаковыми изменения, которые происходят, например, в представлениях о мужских и женских ролях в семье. Результаты сравнительных исследований, проведённых в начале 2000-х годов в 35 странах,⁶ показали, что хотя во всех постсоциалистических (переходных) обществах доминирующими

являются традиционные взгляды, российские ответы выделяются в этом ряду наибольшей традиционностью (так, Россия находится на предпоследнем месте среди не согласившихся с тем, что «дело мужа – зарабатывать деньги, дело жены – вести домашнее хозяйство»). Наиболее гендерно-симметричные представления (то есть несогласие с данным суждением), высказаны мужчинами и женщинами, живущими в «старой Европе» – в Швеции, Норвегии, Нидерландах, Германии, Франции, – а также в США.

Однако результаты современных исследований показывают, что российские ответы вряд ли можно интерпретировать как однонаправленное движение к «патриархальности». При более внимательном анализе обнаруживаются растущая напряжённость между традиционными и модернистскими взглядами на распределение семейных ролей и крайняя противоречивость, внутренняя конфликтность представлений о мужественности и женственности.

В своём стремлении опереться на семью и сохранить её стабильность перед лицом сменяющих друг друга кризисов, российские мужчины и женщины действительно используют ресурс традиционных представлений, но он сводится, в конечном счете, лишь к акцентированию роли мужчины-кормильца. Опора на этот единственный ресурс слишком неустойчива, чтобы обеспечить «ренессанс» семейного патриархата. Скорее, в ответах российских респондентов всплывает одна из мифологем современного массового сознания, рождённая стремлением опереться на семью в обществе, где все остальные опоры поколеблены. При этом для ответов российских мужчин и женщин характерна достаточно высокая степень выраженности гендерного конфликта. Он переживается как на социальном, так и на межличностном уровне, но сравнительно редко осознаётся как реальная социальная и личная проблема. Есть основания предполагать, что с наличием этого глубоко спрятанного конфликта связано отвержение гендерной проблематики как якобы попытки уравнивать мужчин и женщин или (что кажется ещё более опасным) противопоставить их друг другу, посеять между ними враждебность. Поэтому и в тех случаях, где это может быть полезно, и в тех, где это очевидно губительно, традиционализм мыслится как надёжное средство защиты от нынешних и грядущих проблем. «Общество риска» XXI века напротив, требует их современной диагностики, предупреждения или своевременного и современного лечения. Нежелание говорить об этом – опасный признак.

За ним стоит непривычка и неумение размышлять над тем, как строятся отношения мужчин и женщин в семье и обществе, убеждённости, что подобные вопросы находятся на периферии общественного интереса, легко исчерпываются набором стереотипов и не занимают «обычных» людей, которые поглощены повседневными заботами и в «обычной» жизни не ставят перед собой «философских» вопросов. Как заметил на одном из семинаров молодой человек, юрист по образованию, *«об этом (о гендерных проблемах) у нас мало кто задумывается. В Европе всё-таки более размеренная жизнь, поэтому и люди могут*

там посидеть и пофилософствовать. Что интересно: они пофилософствуют и решат поэкспериментировать, что-то изменить, улучшить. У нас тоже любят философствовать, посидеть, попеть – и потом это всё быстро и резко забыть...» Возможно, это результат нашей слишком напряжённой, столь трудной для понимания социальной жизни. А проблемы возвращаются – по закону бумеранга – как раз тогда, когда о них забыли и не готовы их решать.

О развитии гендерной чувствительности

Если к началу 2000-х годов была проблематизирована возможность развития в России гендерных исследований и независимого женского движения на их основе, то в первом десятилетии XXI века исследователи столкнулись со всё более явным отторжением самой постановки вопроса в официально-государственном, публичном, повседневном дискурсе, наконец, с бесчисленными имитациями разговора «на гендерные темы».

Как известно, неразвитость дискурса означает, что тема табуирована в культуре или по тем или иным причинам не признается существенной. И то, и другое характерно для современного состояния обсуждения гендерной тематики в России. Одно из объяснений этого – повышенная социальная тревожность и массовый страх перед неопределенностью будущего. Однако психологи замечают, что при возрастании неопределённости, опасности или стресса готовность воспользоваться новой информацией возрастает, а восприимчивость к новым идеям усиливается.

Исследователи также обнаружили, что у женщин, вынужденных быстрее и радикальнее, чем мужчины, выходить из границ традиционной гендерной роли, уровень осознания опасности и стресса выше – именно поэтому они более открыты восприятию информации, которая содержится в гендерных исследованиях. Мы же, исследователи, видим в них также одно из наиболее перспективных направлений публичной социологии. Мы считаем, что одно из условий этого – участие сторонников и противников наших идей в обсуждении гендерной проблематики. И, наконец, мы считаем Интернет именно тем пространством, где дискуссия и результаты российских и международных гендерных исследований должны быть представлены по возможности полно и разнообразно.

1 Текст напечатан с любезного разрешения автора. Первоначальная интернет-версия – Полит.ру, <http://www.polit.ru/author/2009/09/24/gender.html>.

2 Среди тех, кто начинал российские гендерные исследования, кроме авторов упомянутой статьи, следовало бы перечислить многих, но в первую очередь надо

назвать С. Айвазову, О. Воронину, Т. Клименкову, В. Константинову, Н. Шведову, З. Хоткину.

- 3 С. Г. АЙВАЗОВА, *Российские выборы: гендерное прочтение* (М., Консорциум женских неправительственных объединений; Институт социологии РАН, 2008), с. 29.
- 4 Г. И. ЗВЕРЕВА, «“Чужое, своё, другое...”»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России», *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*, №2. (М.: ИВИ РАН, 2001) с. 239, 263.
- 5 Н. АЖГИХИНА, «На пути к обретению силы», *МЫ* (специальный выпуск), 2000. URL: http://www.owl.ru/win/info/we_my/2000_sp/05.htm
- 6 Исследование семьи и изменений гендерных ролей проводилось в 2002 г. в рамках международной программы социальных исследований. Её результаты находятся в Едином архиве социологических данных (*Софист*: информационный бюллетень, №17 [2006]).